

7

БОЛЬШАЯ СОВЕТСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
О. Ю. ШМИДТ

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
Ф. Н. ПЕТРОВ, П. М. КЕРЖЕНЦЕВ,
Ф. А. РОТШТЕЙН, П. С. ЗАСЛАВСКИЙ

ТОМ СОРОК ПЯТЫЙ

ПЕРЕМЫШЛЬ — ПОЛ

Дом Плеханова™
№ 721

желанию изменять исторический процесс, что только герои делают историю и превращают толпу в народ. Плеханов разъясняет, что «не герои делают историю, а история делает героев, следовательно, — не герои создают народ, а народ создает героев и двигает вперед историю» (там же, стр. 16). Тесно связывая этот вопрос о роли личности и значении ее деятельности в истории с идеей исторической необходимости, П. убедительно показывает несостоятельность положения буржуазных критиков марксизма, что будто бы отрицание так наз. свободы воли ведет к фатализму, к бездеятельности. Напротив, только на основе познания общественной закономерности и необходимости человек может быть активным, может успешно достигать поставленных им целей. Выдающиеся личности играют значительную роль в истории, но именно постольку, поскольку они выражают и осуществляют интересы и потребности определенной эпохи и класса, осуществляют историческую необходимость. В своей замечательной статье «К вопросу о роли личности в истории» П. прекрасно популяризирует учение Маркса и Энгельса по этому вопросу. П. пишет: «Великий человек является... начинателем, потому что он видит д а л ь ш е других и хочет с и л ь н е е других. Он решает научные задачи, поставленные на очередь предыдущим ходом умственного развития общества; он указывает новые общественные нужды, созданные предыдущим развитием общественных отношений; он берет на себя почин удовлетворения этих нужд. Он—герой. Не в том смысле герой, что он будто бы может остановить или изменить естественный ход вещей, а в том, что его деятельность является сознательным и свободным выражением этого необходимого и бессознательного хода. В этом—все его значение, в этом—вся его сила. Но это—колоссальное значение, страшная сила» (П л е х а н о в, Сочинения, т. VIII, стр. 305).

Как в общефилософских вопросах, так и в области исторического материализма сильной стороной и огромной заслугой П. является изложение теории марксизма и отстаивание ее против враждебных учений. Однако и в разработке проблем историч. материализма П. допустил ряд крупных ошибок. П. не дал изложения и обоснования учения об исторических способах производства. Он недооценивал учение Маркса об общественно-экономических формациях, как о конкретных ступенях развития общества. Законы развития и гибели каждой отдельной формации, конкретный исторический анализ отдельных эпох общества оставался у П. в тени. П. допускает элементы схематизма, недостаточно показывая единство и противоречивость исторического процесса. При этом он переоценивает роль объективных факторов—экономики—и недооценивает роль субъективных факторов (классовая борьба, партия, идеология) в развитии общества. Правильно показывая огромную роль природных условий для существования и развития общества, П., однако, переоценивает их значение. Он допускает в этом вопросе ошибку, к-рая идет по линии географич. материализма, считая, что в конечном счете условия географич. среды обуславливают развитие общества. Наиболее ярко этот уклон в географизм получил свое выражение в «Истории русской общественной мысли», где П. пытается объяснить особенности исторического развития России свойствами ее географической среды,

обосновывая надклассовость русского самодержавия географическим положением России.

Наиболее важным недостатком П. в области исторического материализма явилось игнорирование им вопросов о сущности государства, об отношении пролетарской революции к государству и т. п. Как и все вожди 2-го Интернационала, П. не понял учения Маркса и Энгельса о государстве и революции, отнесся примиренчески к буржуазным извращениям в этом важнейшем вопросе. Если в работах доменьшевистского периода П. и становился под давлением Ленина на точку зрения учения о пролетарской революции и диктатуре пролетариата, он все же не шел дальше общей, чисто теоретической защиты этого учения. Но и тогда П. в статье «Анархизм и социализм» «ухитрился трактовать эту тему, совершенно обойдя самое актуальное, злободневное и политически наиболее существенное в борьбе против анархизма, именно отношение революции к государству и вопрос о государстве вообще!... Но говорить об „анархизме и социализме“, обходя весь вопрос о государстве, не з а м е ч а я всего развития марксизма до и после Коммуны, это значило неминуемо скатываться к оппортунизму» (Л е н и н, Соч., т. XXI, стр. 442).

В 1916—17 Ленин в подготовительных работах к сочинению «Государство и революция» и в самом этом сочинении разоблачает вулгарный марксизм П. и Каутского именно в вопросах о государстве, демократии, свободе и т. п. Известно, что «теоретики» 2-го Интернационала во главе с Бернштейном не останавливались перед самой чудовищной фальсификацией, чтобы извратить идею Маркса «о развитии старой, буржуазной... государственной машины» революцией пролетариата, о которой «оппортунизм разучился и думать» (см. Л е н и н, Сочинения, т. XXI, стр. 405). Но опровергавшие Бернштейна «Плеханов в русской литературе, Каутский в европейской... об этом извращении Маркса Бернштейном не говорили» (Л е н и н, там же). Даже в лучших своих работах П. не разрабатывал учения о диктатуре пролетариата, как главном в марксизме, и связанного с ним учения о переходном периоде, о социализме, о коммунизме. П. ограничивается анализом понятий оборонительной и наступательной войны, совершенно игнорируя конкретное изучение сущности империализма, его экономических и политич. противоречий.— Несмотря, однако, на ошибки и отступления П. от марксизма, его философские работы до сих пор не потеряли значения лучшей популяризации и изложения диалектического и исторического материализма. Но, используя работы Плеханова, необходимо всегда помнить о его недостатках и тщательно исправлять их на основе учения Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина.

С. Батышев.

Литературно-критические взгляды Плеханова. П. уделял много внимания вопросам литературы и искусства. Круг литературоведческих и искусствоведческих тем и вопросов, к-рых П. касается в своих работах, обширен и разнообразен. П. разбирает общие теоретические проблемы искусства, дает критику различных теорий, касается происхождения искусства, говорит об искусстве первобытных народов. От теоретических вопросов он переходит к конкретным произведениям художественной литературы и искусства, проявляя огромную эрудицию. П. пишет о беллетристах-народни-

ках, о Лье Толстом, о Горьком, о символистах и декадентах. Большое внимание он уделяет анализу взглядов Белинского, Чернышевского и других представителей русской демократической мысли. Важнейшие работы П. в области литературы и искусства: «Народники-беллетристы» (1888, 1890, 1897), «Судьбы русской критики» (1897), «Письма без адреса» (1899—1900), «Пролетарское движение и буржуазное искусство» (1905), «Французская драматическая литература и французская живопись 18 века с точки зрения социологии» (1905), статьи о Лье Толстом (1910—11), «Искусство и общественная жизнь» (1912, 1913). Сюда же надо отнести работы П. о Чернышевском.

Обращаясь к области литературы и искусства, П. ставил своей задачей прежде всего показать, что и здесь действует та общая закономерность исторического развития, какую устанавливает материалистическое понимание истории. «Я глубоко убежден,—писал П. в «Письмах без адреса»,—что отныне критика (точнее: научная теория эстетики) в состоянии будет подвигаться вперед, лишь опираясь на материалистическое понимание истории» (П л е х а н о в, Сочинения, т. XIV, стр. 30). Работы П. по вопросам литературы и искусства служили общему делу пропаганды марксизма, диалектического и исторического материализма, и в этом деле П. принадлежит громадные заслуги.—Огромное воздействие на развитие литературных взглядов П. оказала русская революционно-демократическая критика 60-х гг., которая была, по определению П., «социальной критикой». В этом отношении большое влияние на П. оказал Чернышевский, как литературный критик. От революционно-демократических критиков 60-х гг. П. усвоил мысль о неразрывной связи литературы с жизнью и об общественно-идейной роли художественной литературы. В силу этого П. никогда не замыкался в кругу одной литературы. Он считал обязанностью литературной критики разъяснение тех явлений действительности, которые вызвали известное художественное произведение. Будучи марксистом, П. по-новому подошел к оценке взаимосвязей между литературой и жизнью и к оценке самой жизни, за кардинальную перестройку которой борется международный пролетариат. Точку зрения пролетариата и проводил П. в своих работах по вопросам литературы и искусства, относящихся к лучшему, революционному периоду его деятельности. П. начал свою литературную деятельность в то время, когда в области русской общественной мысли господствовал субъективизм народнической социологии и стал распространяться идеализм типа Волынского, являвшийся провозвестником декадентско-мистической полосы русской литературы, наступившей в годы реакции после революции 1905. П. обрушился на носителей лжи и реакции со всей силой своего полемического дарования и со всей убедительностью нового учения, к-рое он стремился пропагандировать во всех работах, написанных им в революционный период его деятельности. Субъективистскому произволу в области литературной критики П. стремился противопоставить объективный критерий, к-рый он находил в марксизме, в диалектическом и историческом материализме Маркса—Энгельса. «Т е п е р ь,—писал П.—возможна научная литературная критика, потому что теперь уже установлены некоторые необходимые prolegomena

общественной науки» (П л е х а н о в, Соч., т. X, стр. 196). П. неизменно подчеркивал объективный характер марксистской литературной критики, которая исходит в своих суждениях и оценках из реально существующих общественных отношений, к-рые, в свою очередь, зависят от объективно данного состояния производительных сил. Представителей литературной критики и эстетики П. оценивал именно с точки зрения их приближения к объективному критерию, с особым вниманием останавливаясь на их усилиях «найти объективные основы для критики художественных произведений» (там же, стр. 303). С этой точки зрения П. подошел и к Белинскому, и к Чернышевскому, и к представителям французской буржуазно-социологической критики (Тэн) и др. В утверждении объективного характера марксистской эстетики и литературной критики огромная заслуга П., как теоретика литературы и искусства. Этим самым П. утверждал положение о научности литературной критики и об ее историческом характере,—в противовес всякого рода субъективно-импрессионистским и догматическим построениям. Вместе с тем в своих ранних и лучших работах П. выдвигал положение о «публицистичности» научной критики; П. доказывал, что «истинно-философская критика является в то же время критикой истинно-публицистической» (там же, стр. 191). В целом ряде работ, относящихся к раннему, «социалистическому» (по определению Ленина), периоду деятельности П., когда он стоял на верных позициях марксизма, П. выступал как революционный публицист, проводя марксистскую, пролетарскую точку зрения. Даже в 1905, в статье о французской драматической литературе и живописи 18 в., в статье, не лишенной утверждений, окрашенных в кантианские тона, П. выступал в защиту политического искусства: «Неподражаемое искусство древних греков в весьма значительной степени было именно таким политическим искусством... А что касается французского искусства эпохи революции, то „саннюлоты“ и вывели его на такой путь, по какому не умело ходить искусство в высших классов: оно становилось всенародным делом» (там же, т. XIV, стр. 117). В таких высказываниях Плеханова слышится голос подлинно-революционного публициста.

В поисках ответа на вопрос о природе и сущности искусства П. неоднократно обращался к эстетике Гегеля, сознавая, что она представляет собой «крупный шаг вперед в деле понимания сущности и истории искусства» (там же, т. XVIII, стр. 144). Из общих определений искусства, даваемых Гегелем, П. особенно подчеркивал то положение, что «предмет искусства тождествен с предметом философии» и что «содержанием искусства служит именно действительность» (там же, стр. 146). П. неустанно проводил в своих работах мысль Гегеля о том, что «в искусстве, как и во всяком другом человеческом деле, содержание имеет решающее значение» (там же, т. X, стр. 310). Ставя перед искусством задачу отражения действительности, П. в то же время требовал от искусства глубокой идейности: «без идеи,—писал П.,—искусство жить не может» (там же, т. XIV, стр. 77). Плеханов подчеркивал всегда идейный характер искусства, видя—вслед за Гегелем и Белин-

ским—в образности специфичность его идеологической природы. Искусство выражает и чувства и мысли людей, «но,—говорит П.,—выражает не отвлеченно, а в живых образах» (там же, стр. 2). В то время как наука мыслит понятиями, искусство мыслит образами.

Неизменно подчеркивая исторический характер эстетических понятий, П. видел в их изменениях ту общую закономерность, какую марксизм усматривает в развитии идеологических явлений вообще. «Искусство есть общественное явление»,—говорит П. (там же). «Художественные произведения суть гакже явления и факты, которые порождаются общественными отношениями людей» (там же, т. XXIII, стр. 177). «Я держусь того взгляда,—писал Плеханов,—что общественное сознание определяется общественным бытием. Для человека, держащегося такого взгляда, ясно, что всякая данная „идеология“—стало быть, также и искусство и так называемая изящная литература,—выражает собой стремления и настроения данного общества или—если мы имеем дело с обществом, разделенным на классы—данного общественного класса» (там же, т. XIV, стр. 183). Психология действующих лиц в художественных произведениях именно потому для нас важна, «что она есть психология целых общественных классов или, по крайней мере, слоев, и что следовательно, процессы, происходящие в душе отдельных лиц, являются отражением исторического движения» (там же, т. X, стр. 190—191). Плеханов устанавливает, таким образом, зависимость художественной литературы от действительности, от общественной жизни. Это—одно из основных положений марксизма в области литературы и искусства.

Непосредственное влияние производительной деятельности человека на его мирозерцание и на характер его искусства П. находил в первобытном обществе, не знающем деления на классы. В обществе же, разделенном на классы, это влияние сказывается путем сложного посредствования, причем классовая борьба имеет здесь, по словам Плеханова, «поистине колоссальное значение» (там же, т. XVIII, стр. 223). При этом П. подчеркивал постоянное взаимодействие различных идеологических форм. В понимании П. искусство и литература выступают как огромной важности и значительности идеологическое средство классовой борьбы. С этой именно точки зрения П. подверг анализу французскую драматическую литературу и живопись 18 в., видя в их развитии отражение борьбы третьего сословия со старым порядком. В своих лучших работах П. развивал мысль Маркса о том, что литература и искусство являются «идеологическими формами», «в которых люди сознают... конфликт (являющийся результатом противоречия между материальными производительными силами общества и существующими производственными отношениями.—А. Г.) и ведут свою борьбу» (Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XII, ч. 1, стр. 7).—Плеханов подробно останавливался в своих работах (особенно в «Письмах без адреса») на вопросе происхождения искусства, привлекая к анализу материал из истории первобытного искусства, так как вопрос о происхождении

искусства имеет большое значение в смысле обоснования материалистического понимания эстетики. Но и в статьях, посвященных новой и новейшей литературе, П., давая оценки конкретным явлениям, подчеркивал чисто теоретическую сторону исследования, определяя и формулируя принципы марксистской критики. В этом смысле можно говорить о «методологическом пафосе» П., пронизывающем все его литературно-критические работы. П. очень много сделал для пропаганды самой идеи марксистской эстетики, убедительно доказав ряд основных ее положений на богатом художественном материале разных народов и эпох. При этом Плеханов часто прибегал к излюбленному приему основоположников марксизма—через критику, через отрицание ложных и враждебных теорий утверждать свои собственные взгляды и убеждения.

Изучая классовый характер идеологий, П. в своих лучших работах был далек от тех своих неумных последователей-эпигонов, к-рые толковали это положение вульгарно-механистически. П. понимал, что художники большого масштаба могут, вопреки и наперекор ограничениям классовой идеологии, достигать огромной силы объективного изображения действительности. С этой точки зрения особенно интересны высказывания П. о Бальзаке, совпадающие с характеристикой творчества Бальзака, данной Энгельсом. Еще в своей книге «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» (1895) П. писал, что «Бальзак много сделал для объяснения психологии различных классов современного ему общества» (Плеханов, Соч., т. VII, стр. 237). Два года спустя П. в одной из своих рецензий дал несколько более развернутую характеристику Бальзака, к-рая отличается большой глубиной и значительностью. П. писал: «Он (Бальзак.—А. Г.) „брал“ страсти в том виде, какой давало им современное ему буржуазное общество; он со вниманием естествоиспытателя следил за тем, как они растут и развиваются в данной общественной среде. Благодаря этому он сделался реалистом в самом глубоком смысле этого слова, и его сочинения представляют собою незаменимый источник для изучения психологии французского общества времен реставрации и Людовика-Филиппа» («Г. В. Плеханов—литературный критик», 1933, стр. 50). Характеристика эта, данная П., имеет большое методологическое значение, так как она широко ставит вопрос об объективной значимости художественного творчества.—Большую меру объективности Плеханов видел и в художественном творчестве Флобера. Не переставая быть «очень субъективным в оценке современных ему общественных движений», Флобер «считал своей обязанностью относиться к изображаемой им общественной среде так же объективно, как естествоиспытатель относится к природе... И поскольку Флоберу удавалось оставаться объективным, постольку лица, выводимые им в своих произведениях, приобретали значение таких „документов“, изучение которых безусловно необходимо для всякого, кто занимается научным исследованием социально-психологических явлений. Объективность была сильнейшей стороной его метода» (Плеханов, Сочинения, т. XIV, стр. 143).—Справедливо выдвигая в искусстве на первый план содержание, П. подчеркивал в

то же время значимость художественной формы и видел между содержанием и формой постоянную взаимосвязь. П. проводил правильный взгляд на художественную форму как на категорию историческую, изменяющуюся вместе с социальными условиями. Интересные замечания о развитии литературных жанров в связи с общественными изменениями содержит известная статья П. о французской драматической литературе и живописи 18 в.

В анализе художественного произведения П. различал два акта: первый акт марксистской критики, в понимании П., заключается в определении «социологического эквивалента» анализируемого литературного явления, т. е. в определении его социальной природы. Этим самым П. подчеркивал классовый характер литературного, как и всякого иного идеологического творчества. Второй акт заключается в оценке «эстетических достоинств разбираемого произведения» (там же, стр. 189). Весьма положительным моментом в этом членении анализа на два акта является подчеркнутое требование особенного внимания к художественной форме. П. неоднократно ставил в своих работах вопрос о том, справился ли художник со своей задачей, хотя при решении этого вопроса П. иногда оставался во власти традиционных представлений и допускал отделение формы от содержания. В своей литературно-критической деятельности П. выступал за глубоко реалистическое и общественно-идейное искусство. При этом П. ратовал за определенное содержание этой идейности. П. восставал против «ложных идей» в искусстве, т. е. таких идей, к-рые неправильно отражали подлинные революционные тенденции в развитии общественной жизни. Предъявляя большие требования к искусству, Плеханов утверждал, что «великий поэт велик лишь постольку, поскольку является выразителем великого момента в историческом развитии общества» (там же, т. X, стр. 298). Этим высоким требованиям Плеханов оставался по существу верен до конца своих дней.—Уже в своих ранних статьях о беллетристах-народниках Плеханов подчеркивал как достоинство их «глубоко правдивое литературное направление» и видел в этом верность «лучшим традициям русской литературы». «Наша народническая беллетристика,—писал П.,— вполне реалистична, и притом реалистична не на современный французский лад: ее реализм согрет чувством, проникнут мыслью» (там же, стр. 15). Реализм лучших писателей-народников приводил к тому, что они, вопреки своим ложным теориям, правдиво рисовали социальные процессы в русской деревне. П. особенно выделял Глеба Успенского, который своими художественными произведениями «подписал смертный приговор народничеству» (там же, стр. 40). Такой трактовкой Гл. Успенского П., собственно, отрицал народническую сущность его творчества, превосходящая, таким образом, взгляды современной нашей критики, которая видит в Гл. Успенском писателя, близкого к революционной демократии, а не беллетриста-народника.

Характерной чертой литературно-критических работ П. является то, что, разбирая литературные произведения, он всегда выступал против враждебных марксизму общественных движений и теорий, за общественные идеалы пролетариата. Так, литературно-кри-

тические статьи П. о беллетристах-народниках являются продолжением его блестящих атак против народничества, к-рому П. нанес решающий удар. И позднее П. в своих литературно-критических работах выступал против обывательского мещанства, против всякого рода богоискателей и богостроителей, против мистики и поповщины. В своих известных статьях о Льве Толстом П. выступил против реакционного пассивистского учения Толстого о неппротивлении злу, вскрыл реакционную сущность этого учения и заклеил ревизионистские попытки ликвидаторов оправдать реакционную толстовскую доктрину. Ленин писал по поводу статей П. о Толстом: «Плеханов тоже взбесился враньем и холопством перед Толстым, и мы тут сошлись» (Ленин, Соч., т. XV, стр. 57).—Борясь за подлинное реалистическое искусство, ставящее себя на службу интересам народа, П. выступал против теории «искусство для искусства», против формализма, против декадентства и символизма. «Символизм,—писал П.,—это—нечто в роде свидетельства о бедности. Когда мысль вооружена пониманием действительности, ей нет надобности итти в пустыню символизма» (Плеханов, Сочинения, т. XIV, стр. 198).—П. весьма ценил творчество А. М. Горького, «высоко-талантливого художника-пролетария» (там же, т. XXIV, стр. 257), и приветствовал появление ряда его произведений («Враги», «Матвей Кожмякин»). П. писал: «У художника Горького, у покойного художника Г. И. Успенского может многому научиться самый ученый социолог. В них—целое открытие» (там же, стр. 276). П. выступил в защиту Пушкина, отводя от него обвинение в пренебрежительном отношении к народу и доказывая, что под «чернью» поэт разумел невежественное и бездушное светское общество.

Будучи убежден в том, что «нельзя написать... сколько-нибудь дельную историю русской литературы, не зная истории западно-европейских литератур» (Плеханов, Соч., т. X, стр. 307), потому что между русской и западно-европейскими литературами издавна существовали отношения взаимосвязи и взаимодействия, П. обращался всегда к широким параллелям и аналогиям из западно-европейских литератур, устанавливая, т. о., точки соприкосновения в художественном процессе разных стран и народов.—С точки зрения общей направленности и общественного пафоса П. в своей литературно-критической деятельности продолжал, углубляя и наполняя марксистским содержанием, лучшие традиции русской революционно-демократической критики, к-рая никогда не замыкалась в рамках одной литературы, а была по существу «социальной критикой». П. проявлял и непосредственно большой интерес к великим представителям «разночинной» революционно-демократической русской критики, к Белинскому и Чернышевскому, анализу творчества к-рых Плеханов посвятил ряд работ. В своих работах П. стремился определить роль Белинского и Чернышевского, как теоретических предшественников тех новых воззрений, к-рые проповедывал марксизм в России. Говоря о Белинском, П. не ограничивает своего анализа рамками одних литературных взглядов великого русского критика, к-рые сами по себе имели огромное значение в развитии русской литературы и эстетических воззрений. П. писал: «живой и силь-

ный ум Белинского стремился проложить новые „стеzi“ не только в литературной критике. Его упорная работа была направлена также и на социально-политическую область. И его попытка найти новый путь в этой области заслуживает даже большего внимания, чем сделанное им собственно в литературе» (там же, стр. 332). Плеханов выступал против либеральных попыток превратить Белинского в «мирного» социалиста и подробно останавливался на эволюции взглядов Белинского в отношении к рабочему классу и классовой борьбе. С огромным уважением и любовью П. относился к Чернышевскому. П. подверг анализу различные моменты многосторонней деятельности Чернышевского, дав подробный разбор и его эстетических взглядов, являвшихся наиболее полным и ярким приложением общих философских взглядов Фейербаха к области эстетики на русской почве. Материалистическая эстетика Чернышевского, в противовес различным идеалистическим построениям, выдвигала в качестве своей задачи реабилитацию действительности («прекрасное есть жизнь»). П. особенно подчеркивал элементы историзма в эстетической теории Чернышевского, к-рый пришел к выводу, что «различные классы общества имеют различные идеалы красоты в зависимости от экономических условий их существования» (там же, т. V, стр. 58). П. видел в этом «открытие, гениальное в полном смысле слова» (там же, стр. 60). Работы П. о Белинском, Чернышевском и других представителях русской революционной мысли в своей совокупности дают блестящую историю идей русской революционной демократии.

При всем огромном значении, к-рое работы П. имели для развития марксистских идей в области изучения литературы и искусства, они, однако, в некоторых своих частях включали антимарксистские положения. Зигзаги в идейно-политическом развитии П., приведшие его к меньшевизму, а на закате дней и к социал-шовинизму, не могли не отразиться и на его эстетических и литературных взглядах.—Ратуя за торжество объективного критерия в литературной критике и правильно усматривая в этом особенность именно марксистской критики, П., однако, в последний период своей деятельности готов был (на меньшевистский лад) объективность подменить объективизмом.

При решении отдельных эстетич. проблем у П. замечается стремление «дополнить» марксизм в этой области за счет идеалистических эстетических систем, в частности—кантианской эстетики. Недаром П. по одному поводу (речь шла о характере эстетич. наслаждения) писал: «У нас остается место (рядка наша.—А. Г.) и для кантовского взгляда на этот вопрос» (там же, т. XIV, стр. 119). П. ограничивался иногда лишь тем, что вносил марксистские «поправки» к воззрениям бурж. исследователей, не изменяя существа этих воззрений (как, например, в отношении брюнетьеровской схемы литературного развития). В целом ряде своих конкретных эстетических оценок П. оставался в плену у традиционных буржуазно-эстетических понятий и предрассудков. Это мешало П. найти качественно новые моменты эстетического порядка в творчестве таких писателей, как Некрасов или Успенский. В своих статьях о народниках-беллетристах П. проводит резкое разграниче-

ние между интересами общественными и литературными, видя в общественной страстности названных писателей причину недостаточной художественности их произведений. П. утверждает здесь, что художественное произведение с точки зрения эстетической будто бы выигрывает «от более объективного отношения автора к предмету» (там же, т. X, стр. 13).

Недостатки работ П. обнаруживаются с особенной четкостью при сопоставлении с работами Ленина, посвященными одним и тем же проблемам. Плеханову недоставало той глубины анализа и широты диалектического охвата всей суммы явлений, к-рые позволяли Ленину всегда найти и вскрыть исторически-реальное и прогрессивное историческое содержание. Подтверждением этого могут служить работы Плеханова и Ленина о Льве Толстом.—Оценивая творчество Льва Толстого «с точки зрения характера русской революции и движущих сил ее», Ленин пришел к своему гениальному тезису, что творчество Толстого является «зеркалом русской революции». «Толстой велик, как выразитель тех идей и тех настроений, которые сложились у миллионов русского крестьянства ко времени наступления буржуазной революции в России. Толстой оригинален, ибо совокупность его взглядов, вредных как целое, выражает как раз особенности нашей революции, как крестьянской и буржуазной революции. Противоречия во взглядах Толстого, с этой точки зрения,—действительное зеркало тех противоречивых условий, в которые поставлена была историческая деятельность крестьянства в нашей революции» (Ленин, Соч., т. XII, стр. 331 и 333). А Плеханов в определении социальной природы творчества Льва Толстого не пошел дальше формулы о том, что «Толстой был и до конца жизни остался большим барин» (Плеханов, Соч., т. XXIV, стр. 192).—Ленин искал социальных корней толстовского творчества в реально-историческом содержании всей той эпохи, которая вскопала Толстого. Ленин исходил из реальной действительности русской жизни во всем ее многообразии и сложности, во взаимоотношениях различных классов и различных слоев русского общества. И Ленин включил творчество Толстого в общие социальные процессы его времени, процессы, подготовлявшие первую русскую революцию. Плеханов же при решении вопроса о природе толстовского творчества оставался со своей априорной «общей истиной» о характере творчества Толстого, построенной лишь на логическом анализе. Включить творчество Толстого в историческую реальность его времени П. не сумел и потому, что он не понимал смысла и содержания этой истории. реальности, не понимал характера и движущих сил первой русской революции и не понимал, в частности, роли крестьянства в ней. Так, политич. меньшевизм сказывался и в литературных работах П.

В некоторых литературных выступлениях П. руководил побуждения фракционной борьбы против большевизма. П., напр., не мог простить А. М. Горькому его симпатии к большевистской тактике в рабочем движении и отрицал художественное значение тех произведений Горького, в к-рых тот открыто становился на сторону большевиков и пролетарской революции. В частности, П. резко осудил роман Горького «Мать», который Ленин высоко ценил. Давая в общем правильную оценку раз-

вития русской демократической мысли (Белинский, Чернышевский), П. не осознавал всей глубины принципиального различия между либерализмом и революционной демократией. Верный чисто логическому анализу, Плеханов подчеркивал утопизм и просветительскую отвлеченность во взглядах Белинского и Чернышевского, недооценивая практически-политическую, реально-классовую сущность их учения, их революционный демократизм, к-рый отражал нарастающую волну крестьянской революции. И здесь сказывалась приверженность Плеханова к логизму, в то время как Ленин всегда и во всем стремился найти связь с исторической действительностью, стремился вскрыть реальное историческое содержание.— Все ценное и положительное с революционно-марксистской точки зрения, что в себя включала литературно-критическая деятельность П., оказало большое влияние на развитие марксистских взглядов в области литературоведения. Но меньшевистская литературная критика подхватила и стала развивать как-раз те антимарксистские тенденции, которые имелись у Плеханова, особенно в его позднейший период. Под влиянием взглядов деборинской школы в философии, этого «меньшевистского идеализма», некоторыми «теоретиками» РАПП был выдвинут лозунг «плехановской ортодоксии» в литературных вопросах, что являлось попыткой канонизации всех без исключения, в том числе и ложных, положений П. К тому же эпигоны П., по своей близорукости не умевшие определить подлинное, исторически-реальное содержание во взглядах П., за исходный момент и за образец для подражания приняли те его положения, в к-рых сказывался его логизм, а не живая революционно-марксистская мысль. По своей близорукости эпигоны П. усвоили лишь схематически-упрощенное в его высказываниях; не обладая ни умом, ни горизонтом своего учителя, они стали вульгаризировать и упрощать критические приемы П. С особенной радостью они подхватили мысль П. о «социологическом эквиваленте» художественного творчества, полагая, что установление этого эквивалента есть прикрепление «социологических» ярлычков для писателей. Так возник вульгарный социологизм, принесший немало вреда литературной критике и литературоведению. П. осудил его еще в зародыше, когда зло и резко говорил о доморощенных построениях Шулятикова и Фриче.—Наша задача в отношении литературного наследия П. заключается в определении действительного исторически-реального его содержания. Критика плехановских ошибок, данная Лениным, и указания Сталина, с предельной четкостью ставящие вопрос о различии между Лениным и Плехановым в области теории, являются той путеводной нитью, с помощью которой мы можем отделить от антимарксистских и меньшевистских элементов все ценное и положительное в литературно-критических работах Плеханова, имеющее огромное значение для нашего литературоведения.

А. Гурштейн.

С о ч. П.: Соч., т. I—XXIV, М.—Л., 1923—27 (Институт К. Маркса и Ф. Энгельса), в это издание вошли почти все работы периода войны и революции (1914—18); О войне, 5 изд., П., [1917]; Две линии революции, П., 1917; Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. 1—6, М.—Л., 1934—38; Против философского ревизионизма, Сборник статей, М., 1935; К вопросу о развитии монистического взгляда на историю, [М.], 1938; Воинствующий материализм, 2 изд., М.—Л., 1931.

Лит.: Энгельс Ф., В. И. Засулич [Письмо от 23/IV 1885, в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. XXVII, [Л.], 1935, стр. 461—463; Ленин В. И., Философские тетради, [Л.], 1938; его же, Соч., 3 изд., т. XXVI («Еще раз о профсоюзах...»); т. XXVIII («[Письмо] А. Н. Потресову [от 2/IX 1898]», [Письмо] А. Н. Потресову [от 27/VI 1899]»); т. II («Проект программы нашей партии», «Понятие направление в русской социал-демократии»); т. IV («Как чуть не потухла „Искра?“»); т. V («Материалы к выработке программы РСДРП»); т. VI («Шаг вперед, два шага назад»); т. VII («Доклад [на III Съезде РСДРП] об участии с.-д. во временном революционном правительстве»); т. VIII («Последнее слово „искровской“ тактики или потешные выборы, как новые побудительные мотивы для восстановления», [Письмо Г. В. Плеханову] [октябрь 1905]); т. IX («Пересмотр аграрной программы рабочей партии», «Победа кадетов и задачи рабочей партии», «Доклад об объединительном съезде РСДРП», «Как рассуждает т. Плеханов о тактике социал-демократии?»); т. X («Новое сенатское разъяснение», «Предисловие к русскому переводу брошюры: „К. Кауцкий, Движущие силы и перспективы русской революции“»); т. XI («О тактике оппортунизма», «V Съезд РСДРП 13/IV (30/IV)—1/VI (19/V) 1907», см. Доклад и речи, «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—07 годов»); т. XII («Международный социалистический конгресс в Штуттгарте»); т. III («Развитие капитализма в России», см. Предисловие ко второму изданию); т. XII («Марксизм и ревизионизм», «Как Плеханов и К^о защищают ревизионизм»); т. XIII («Материализм и эмпириокритицизм»); т. XIV («Заметки публициста»); т. XVI («Две утопии»); т. XVII («Идейная борьба в рабочем движении», «Об авантюризме», «Плеханов, не знающий чего он хочет»); т. XVIII («Мертвый шовинизм и живый социализм», «Русские Зюдекумы», «Крах 2 Интернационала», «Революционные марксисты на международной социалистической конференции 5—8/IX 1915», «Социализм и война», гл. IV, «О двух линиях революции»); т. XX («Задача пролетариата в нашей революции», «Письма о тактике»); т. XXI («Государство и революция»); т. XXIII («Пролетарская революция и ренегат Кауцкий»); т. XXV («Детская болезнь „левизны“ в коммунизме», «Речь об условиях приема в Коммунистической Интернационал 30/VII [1920 на II Конгрессе Коммунистического Интернационала]»; Письма Ленина к Горькому, [М.], 1936; Ленин и В. И., Брошюра Г. В. Плеханова: «Основные вопросы марксизма», в кн.: Ленинский сборник XXV, М., 1934; его же, Книга Г. В. Плеханова: «Н. Г. Чернышевский», там же; Сталин И., Вопросы ленинизма, 11 изд., [М.], 1939; его же, Ленин, как организатор и вождь РКП, в его кн.: О Ленине, [М.], 1937; его же, Об оппозиции. Статьи и речи. 1921—1927, Москва—Ленинград, 1928, стр. 737; его же, Речь на приеме в Кремле работников высшей школы 17/V 1938, [Москва], 1938; История Всесоюзной коммунистической партии (большевик). Краткий курс, под ред. Комиссии ЦК ВКП(б), [Москва], 1938.

ПЛЕЧЕВОЙ ПОЯС, система частей скелета, опоясывающая переднюю часть туловища и служащая опорой для передних конечностей позвоночных животных. У акуловых рыб П. п. состоит из хряща и имеет вид парной дужки, охватывающей тело непосредственно позади жаберного аппарата головы и несущей сбоку наибольший выступ для причленения скелета грудного плавника. Место последнего является границей между спинным—лопаточным и брюшным—кораконидным отделом П. п. Правый и левый отделы П. п. соединяются между собой только в брюшной стенке тела. У высших рыб этот первичный П. п. частью окостеневает, причем наиболее типичны лопаточное и кораконидное окостенения. В связи с первичным П. п. у высших рыб развивается ряд *покровных костей* (см.): ключицы (clavicula) на брюшном отделе, клеитры (cleithra) и супраклейтралы (supracleithralia) на спинном. При помощи последних П. п. рыб связывается с покровными костями черепа, получая более прочную опору. У наземных позвоночных эта связь теряется вместе с обособлением шеи, благодаря чему голова и П. п. получают известную свободу движений. Соответственно исчезают и покровные кости спинного отдела П. п. Укрепление П. п. достигается теперь увеличением его поверхности, развитием его муску-